

УДК 94(571.1)»195»: [32.019.5+159.9:32]

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИИ В 1950-е гг.: НАЧАЛО ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Петренко Максим Степанович,

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры общественных наук
Новосибирского юридического института (филиал)

Томского государственного университета, Россия, 630007,

г. Новосибирск, ул. Советская, д. 7. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Актуальность работы: Истоки современного кризисного состояния российского общества следует искать в переломных событиях 1950-х гг., когда сложились условия для крушения коммунистической веры и утраты прежних системообразующих ориентиров сознания.

Цель работы: Изучение идейно-психологического состояния российского общества в период политической трансформации.

Методы исследования: Междисциплинарный синтез на основе изучения достижений современной истории, социологии и социальной психологии; метод психологического анализа отдельных высказываний, содержащихся в исторических источниках; эмпирические методы анкетирования, интервью участников и свидетелей описываемых событий в рамках проведенных полевых исследований.

Результаты: Разработана концепция идейно-психологического кризиса массового сознания под влиянием смерти И.В. Сталина и осуждения его культа личности на XX съезде КПСС.

Выводы: В сталинские годы между обществом и властью сложилась устойчивая связь, основанная на вере в партию и харизматического вождя. Под влиянием политических событий 1950-х гг. значительная часть людей пережила состояние психологического шока, что привело к формированию нового критического взгляда на советскую действительность, утрате веры в высшую справедливость, расколу общества и переориентации его на потребительские ценности.

Ключевые слова:

Коммунистическая идеология, советский человек, массовое сознание, общественные настроения, XX съезд КПСС, И.В. Сталин.

Трудно найти в советской истории период, когда политические изменения оставили такой значительный след в сознании людей, как события 1953–1956 гг. Смерть И.В. Сталина, критика его на XX съезде КПСС привели к трансформации человеческого самосознания, положив начало идейно-психологическому кризису в СССР, и в конечном счете к разлому общества.

Проблема кризиса и раскола не нова для исторической науки, хотя интерес к ней скорее можно обнаружить среди социологов, занимающихся изучением прошлого, чем в кругу историков. О расколе между обществом и властью и расколе внутри самого общества писали многие видные ученые. А.С. Ахиезер видел в нем своеобразный крест России, который она вынуждена нести всю свою нелегкую историю [1].

Тоталитарная теория, ставшая в какой-то момент чрезвычайно популярной в исторической науке, существенно упростила проблему раскола общества и власти в СССР. Ее исходный тезис об атомизации общества и уничтожении любых элементов гражданского общества, призванного выступать в качестве посредника между легальной властью и гражданами, а priori предполагал отчуждение личности и взаимную изоляцию общества и власти. Стремление тоталитарного государства поглотить частную жизнь неизбежно должно было рождать в советском человеке чувство одиночества, ущербности и, как следствие, мощные протестные настроения, которые беспощадно подавлялись властью. Однако подобные, популярные в конце 1980-х – начале 1990-х гг. измышления

столкнулись с серьезными трудностями доказательной базы. Японско-американский ученый Хи роаки Куромиа жалуется: «Оказалось чрезвычайно трудным найти веские доказательства активного сопротивления и оппозиции при Сталине. Как это ни парадоксально, открытие прежде закрытых советских архивов сделало задачу более трудной. Большинство подавляемых при Сталине были недавно реабилитированы в основной своей массе как невинные жертвы государственного террора в прежнем Советском Союзе. Возникает риск воображения оппозиционеров, которых не существовало» [2. Р. 632].

Советологические упрощенные схемы периода «холодной войны», сводившие все многообразие жизни советских людей в сталинские годы к страху, уже давно были подвергнуты критике «ревизионистами». Представления о том, что коммунистическая идеология насильно вдальблывалась в сознание людей, а атомизированное общество ее пассивно потребляло, были развенчаны, о чем постоянно пишет признанный специалист в области изучения повседневной жизни советских граждан Шейла Фицпатрик [3].

Приписываемые советскому человеку характеристики: двоемыслие, всеобщее и доминирующее лицемерие, приспособленчество, постоянное чувство одиночества [4. С. 26, 31], относятся скорее к постсталинской эпохе, но формироваться эти качества начали в 1950-е гг., вскоре после смерти Сталина и критики его на XX съезде КПСС. Чувство одиночества, негативный компромисс с властью, предполагающий взаимное игнорирование друг

друга, атомизация общества обнаруживаются позднее, после Сталина. Десталинизация привела не только к крушению прежних мировоззренческих ориентиров в сознании советского человека. Сама власть отказалась от попыток тотального контроля повседневной жизни людей, а население, разуверившееся в партии и государстве, научится жить без него. Элита будет заниматься организацией политической сферы, а население станет защищать свою собственную повседневную частную жизнь. При Сталине вопрос о защите частной жизни и противопоставлении ее публичной не рефлексировался сознанием так отчетливо. Человек не мыслит такими категориями. Все это придет позднее, после развенчания культа личности.

В последние годы правления И.В. Сталина массовое сознание общества оказалось как никогда сосредоточенным на центральной фигуре вождя. В обществе сложилась особая политическая атмосфера, которая получала субъективное выражение в повседневных практиках, в сложившемся образе мыслей, поступков каждого отдельного советского человека. Формирование этой атмосферы шло как со стороны органов власти, проводивших широкомасштабную идеологизацию масс, так и со стороны самих людей, испытывавших острую потребность в патерналистском покровительстве и опеке со стороны власти. Постоянное воспроизводство прошлого политического опыта укрепляло устойчивые нормы, правила поведения, которые переходили в соответствующую привычку.

Политическое развитие общества, массового сознания во многом определялось влиянием коммунистической партии, которую, однако, не следует воспринимать как исключительно внешнюю силу, оказывающую искусственное воздействие на противостоящее ему общество. В течение многих десятилетий общество и партия были органично слиты в одно целое. В сталинский период, особенно в послевоенные годы, единство власти и народа достигло апогея. Партийному руководству удалось установить тесную связь с обществом, в результате которой широкие массы населения оказались втянутыми в политические, социальные и культурные процессы. Сопричастность, соучастие миллионов людей с происходящим делало народ непосредственным движущим началом исторического развития.

Центральным элементом политического сознания являлось отношение к власти. Ее фиксированные формы можно было наблюдать в период выборов в Советы. Несмотря на то, что в те годы существовала жесткая система подготовки и проведения выборов, имели место спонтанно возникавшие настроения. Документы содержат множество подобных свидетельств. Это, прежде всего, надписи, оставленные избирателями на бюллетенях, вслух произнесенные высказывания, а также непосредственные политические практики, определенно характеризующие отношение граждан к происходящему. Из них можно сделать вывод, что основная часть населения была не просто лояльно на-

строена к существующему режиму, лично Сталину, но, более того, верила в вождя, надеялась на него, многие перед ним преклонялись.

Часто проводившиеся политические мероприятия породили соответствующие формулировки, штампы, клише, широко и повсеместно используемые: «миру – мир» (в различных вариациях), «решения партии и правительства», «блок коммунистов и беспартийных». Сочетание этих матричных форм с различными здравницами структурировало общую систему политического мышления. Емкий характер их позволяет понять феноменологию сознания советских людей, когда сложный политический процесс легко сводился к наглядному сочетанию нескольких первичных феноменов. Отсюда простота и доходчивость восприятия, что способствовало их широкому усвоению и распространению. Это накладывало отпечаток на восприятие действительности, которое осуществлялось путем расклада по уже сформированным категориям, например, «Чичиков – враг народа, с которым нужно бороться» (из сочинения по литературе в Новосибирском пединституте) [5]. От этих схем восприятия зависели не только содержание, но и структура мысли.

Принятые как свои, коммунистические штампы постоянно воспроизводились в выступлениях, заявлениях, надписях на бюллетенях. Это был своеобразный лингвистический код, свидетельствовавший о распространенности в обществе символической фразеологии. Штамп-символ содержался и в структуре мысли. Представления людей о социализме, борьбе прогрессивного человечества и ряд других, имевших образный характер, складывались в матричную форму лозунгов, призывов, расхожих фраз-клише, красовавшихся повсюду. Несмотря на несколько формальный характер, штампы сознания не были мертвы. Наоборот, в них концентрировался наиболее живой для того времени смысл.

Стержнем господствовавшего политического сознания, определявшим характер и направленность политических настроений, являлась коммунистическая идея, которая отражала извечное стремление русского человека к поиску смысла жизни, открытию внутренней правды и обретению счастья. Поэтому ценности и нормы, господствовавшие в советском обществе и определявшие политическое сознание граждан, неразрывно были связаны с идеями справедливости, коллективизма, товарищества и борьбы за счастье народов во всем мире. Коммунизм воспринимался эсхатологической мечтой, раем на земле. Его ждали, его рисовали в своих мечтах, пытались как-то соотнести с реальностью.

Политическое сознание советских граждан было в значительной степени персонифицировано. Этот вывод во многом объясняет веру в Сталина и любовь к нему со стороны широких народных масс. Потребность в Боге или строгом, но справедливым лидере, который заботился бы о простых

людях и жестко наказывал их обидчиков, всегда жила в сердце русского народа. В формировании идеального образа вождя интересы партии и общества совпадали. Инфантильность и мифологизированность сознания, построенного на множестве ложных представлений, потребность народа в поклонении лишь способствовали созданию такого идеального образа, который придавал незаметной жизни простых малообразованных в своей большей части советских граждан какой-то смысл, высвечивал устойчивые ориентиры их жизненного пути, наполняя их души положительным содержанием. Ради сохранения этой полноты души люди шли на неисчислимые страдания и жертвы. Отсюда обожествление вождя, приписывание ему несуществующих, но желаемых качеств.

Преданность делу революции и социализма была тем связующим фактором, который объединял людей и ради которого они шли на многочисленные жертвы. Именно коммунистическое самосознание служило главным стимулом, обеспечивавшим движение масс. Человек знал и чувствовал, что в великих делах есть и его трудовой вклад. Он жил этим чувством и дорожил им. Люди были открыты и чрезвычайно восприимчивы к внешнему воздействию. Социальные, моральные, нравственно-политические нормы постоянно присутствовали в самосознании человека, обеспечивая заданный со стороны общества самоконтроль. Функционирование самосознания происходило на базе соотношения себя с неким идеалом, предложенным ему извне и принятым как свой. К этому идеалу человек постоянно стремился, ощущал его в себе в качестве фактора, регулирующего его поведение, мысли, настроения, стараясь целиком ему соответствовать. Таким образом, желания общества и самого индивида совпадали.

Проводившийся в конце XX в. социологический опрос очевидцев событий 1953 г. показал, что 62,7 % опрошенных воспринимали смерть Сталина как личное горе, как трагедию [6. С. 183]. Выражение чувств к человеку в момент его смерти наиболее точно характеризует отношение к нему. В марте 1953 г. оно было выражено чрезвычайно ярко и эмоционально. Люди плакали, и у нас нет оснований ставить под сомнение искренность проявляемых чувств.

Реакция на смерть Сталина наглядно показала, что народ любил вождя. Отдельные реплики, раздававшиеся в связи с сообщениями о болезни Сталина, весьма точно передают господствовавшее тогда психологическое состояние людей: «Всю жизнь он работает с огромным перенапряжением, не жалеет, не бережет себя. Вот и не выдержал организм!», «С одними гадами американцами сколько ему пришлось пережить», «Ведь без его участия ни один паровоз не строился, ни один корабль не спускался на воду, он все знал, все его касалось!» [7].

Образ Сталина переживался индивидуальным сознанием как нечто постоянно присутствующее в

нем. Человек ощущал, мыслил себя как частичку большого мира, охватывая его и испытывая глубокое чувство сопричастности совершаемым великим делам. Восстановление в короткие сроки разрушенного войной народного хозяйства, дальнейшие успехи в развитии страны оказывали на людей стимулирующее воздействие. Вдохновителем всех побед люди считали Сталина и коммунистическую партию. Сталин стал символом страны. Сталин был воплощением идеала. Массы верили ему, верили в правильность линии партии, бесконечно доверяли ей. Хотя в литературе можно встретить и такое мнение: «Нет, это была не вера! Невозможно представить себе целое поколение слабоумным, неспособным связать воедино два-три факта. Это было лицемерие» [8. С. 10].

Утром 6 марта 1953 г., когда передавали сообщение о смерти Сталина, у репродукторов и радиоприемников во всех городах и селах страны собрались массы людей. С 12 часов дня начались траурные собрания. На них люди шли без всякого напоминания в те места, где они обычно проводились, и молча ожидали начала. Явка на собрания в тот день была особенно большая. Приходили не только работники предприятия. С ними шли их семьи, старики, дети. Люди буквально рыдали. Во время траурного митинга на Томском манометровом заводе стахановец цеха Биткин сказал: «Клянусь тебе, мой любимый отец, что я всю свою скромную жизнь без остатка отдам построению коммунистического общества, к которому ты вел нас, наш любимый вождь» [9].

Подобных клятв тогда прозвучало много, и у нас нет оснований утверждать, что это было массовое лицемерие. Многие подавали заявления о приеме в партию. В Новосибирске в те траурные дни было подано 673 заявления с такой просьбой [10]. При всей неподдельности горя звучало много казенных речей. Кто-то добросовестно исполнял поступившие сверху указания. Но даже в ситуации, когда такого рода выступления были тщательно срежиссированы, а текст утвержден вышестоящим начальством, нельзя исключать искренность в произнесении спущенных сверху слов. На траурных митингах люди выражали непреклонное стремление идти вперед по сталинскому пути, клялись в верности коммунистической партии. Они выражали уверенность, что имя Великого Сталина будет жить в веках, что Сталин навсегда останется бессмертным в сердцах и душах людей. Предлагались различные формы увековечивания его имени.

Смерть Сталина породила большую неразбериху в сознании людей. Они растерялись. Долгие годы люди следовали указаниям сверху. Однако на этот раз многое, идущее от власти, оказалось странным и непоследовательным, что неизбежно должно было вызвать первые сомнения. Устойчивое до марта 1953 г. чувство личной определенности стало постепенно разрушаться. Не все было понятным в проводимой политике новых властей. Через несколько месяцев после смерти Сталина на-

чалник Томского управления МГБ уже жаловался на пленуме обкома партии, что спускаемые сверху инструкции об ослаблении чекистской работы дезориентировали аппарат [11].

Смерть Сталина породила волну всевозможных домыслов, слухов, предположений. Говорили, что Сталина отравили, что к этому имеет отношение его любовница, которая якобы была еврейка, но, пожалуй, наиболее распространенной была тема войны. Многие думали, что сохранение мира достигалось исключительно благодаря авторитету Сталина, и что теперь после его смерти, США ни перед чем не остановятся. В Сибири это получило свою специфику из-за большого количества спецпереселенцев. Если подавляющая часть с тревогой говорила: «Как бы войны не было», то значительное число ссыльных прибалтийцев ждали войны, надеясь на помощь США в своем освобождении. Один литовец, например, говорил: «Все равно скоро будет война. А нам, как только услышим про войну, надо бежать к американцам, помогать их [русских] бить». Подобных заявлений среди спецпоселенцев было немало [12].

Кое-кто связывал со смертью Сталина возможность смены политического курса. Упрощенный взгляд на мир был характерен не только для сторонников сталинизма, но и для его противников. Сама жизнь строилась на таких основаниях. Убеждение, что государство держалось исключительно на Сталине, породило разговоры о возможной борьбе за власть, тем более что сразу после смерти вождя было объявлено о перестановках в правительстве, сам факт которых был воспринят неоднозначно общественностью. «Создается впечатление, как будто только и ждали его смерти, чтобы произвести эти изменения», – говорили люди [13].

Мнения были различны. Пестрота суждений свидетельствовала о том, что установленные нормы перестали обеспечивать адекватное разрешение возникавших проблем, так как исчез ориентир мировосприятия, сам объект веры. При отсутствии сформулированных новых обязательных для восприятия образов людям пришлось обратиться к тому, что было в наличии, к собственным инстинктам и соображениям.

Изменения в правительстве породили первые сомнения, пока еще не совсем отчетливые. Не все было ясно. Народ замер в ожидании. Настроения марта 1953 г. характеризуются не столько программными заявлениями, сколько множеством остававшихся без ответа вопросов: «Чем вызвана "перетрубация" в органах партии и государства?», «Кто такой Маленков?», «Зачем было убирать из ЦК старых большевиков, сменять министров?» [14].

Амнистия уголовникам, реабилитация врачей усиливали недоумение в обществе. Еще менее трех месяцев назад люди проклинали «убийц в белых халатах», чувства были искренни и правдивы. Люди верили правительству, но оказалось, что их обманывали. Сомнение в правильности линии пар-

тии разрушало цельность восприятия мира. Критика органов госбезопасности породила волну различных предположений.

Анализ документов той поры, высказываний, в первую очередь спецсообщений МВД, позволяет с большой долей уверенности говорить, что вскоре после смерти Сталина в обществе стал намечаться раскол. Прежний связующий фактор, личность Сталина, утратил свое значение. Ничего взамен нового руководство предложить не могло. Проснувшееся стремление познать истину, раскрыть правду жизни разрушало традиционный миф о святости героического прошлого.

В 1953 г. умы находились в состоянии брожения. Общая нестабильность и неопределенность положения, которая еще больше усилилась после ареста Л.П. Берия, с одной стороны, привела к ослаблению страха, что стимулировало смелые выступления, с другой – породила новые вопросы, отвечать на которые приходилось уже самим. «Как могло случиться, что так долго Берия не был разоблачен?», «Разве раньше партийные органы не контролировали деятельность органов МВД?», «Почему т. Сталин не замечал вражеских действий Берия?» [15, 16].

В вопросах сквозил не столько поиск информации, сколько желание констатировать неприятный факт, очевидное противоречие. Утрата веры породила и соответствующие рассуждения. Кто-то уже сомневался в виновности Берии: «Может все будет так же, как с врачами-вредителями», «Может он шел за народ, а его признали врагом» [17]. Ходили слухи, что Берия сбежал за границу. Наличие слухов, поиск подтекста, само допущение второго дна, подлинной сути события, говорило о разделении мира на далекое и близкое, когда мыслимая реальность была уже не равна себе самой. Слухи являлись важным симптомом и продуктом разлома некогда стабильного общества [18. С. 77].

Сам факт ареста ближайших сподвижников вождя с трудом укладывался в сознании. Заведующая библиотекой Томского инженерно-строительного института М.И. Маслова говорила: «Не верится, чтобы столько лет эти преступления тянулись, и правительство их не видело. Здесь что-то не то...» [19]. Архивы содержат сообщения, в которых фигурировал главный вопрос: «Кому же теперь верить?» [20].

Характерно, что утрата веры глубоко беспокоила людей. Наступившая в человеческом сознании путаница понятий дестабилизировала психику. Наиболее простым решением проблемы стало неприятие того, что создавало болезненное состояние. Власть начала терять прежнее доверие и авторитет. Партия в то время была олицетворением кристальной честности и порядочности. На фоне этого идеализированного образа борьба за власть выглядела крайне нелицеприятно и рассматривалась как главная причина нестабильного состояния. Вину за это возлагали, прежде всего, на руководство, так как образ вождя по-прежнему оста-

вался незапятнанным. В народе ходили такие разговоры: «После смерти Сталина пошла одна неприязнь за другой, когда это кончится?» [21]. В обществе появился новый политический настрой, негативно относящийся к постсталинскому режиму. Примечательно, что в отличие от старой антисоветской оппозиции, которая по отношению к властям употребляла местоимение «они», новая прежде всего считала партию и правительство своими, используя слова «наше», «мы», имея в виду себя и власть, к которой фактически уже были настроены оппозиционно. Об этом же говорит и тот факт, что высказывания о недопустимости чехарды в органах власти, сожаление о дискредитации правительства квалифицировались органами МВД как враждебные.

В течение 1953–1955 гг. отношение к власти постепенно менялось. Она стала терять ореол святости. Если авторитет прежнего руководства сохранялся достаточно высоким, то, в отличие от него, новое правительство, при котором было ostановлено снижение цен, стала ощущаться нехватка некоторых продуктов питания, пользовалось значительно меньшей популярностью. «Где же русское сало, масло, пшеница? Едят союзники, а мы только смотрим» [22], – было оставлено на одном из бюллетеней в ходе выборов 1955 г. В Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся.

Г.М. Маленков оценивался неоднозначно, за исключением, пожалуй, крестьянской среды, где он воспринимался человеком, освободившим крестьян от налогов. «Люди его чуть ли не за святого считали... Только при помощи Маленкова все стало налаживаться» [23. С. 110], – вспоминали о нем крестьяне. Такого же характера отзывы были получены автором в ходе бесед с бывшими колхозниками.

Развернувшаяся вскоре после смерти И.В. Сталина кампания, направленная на дискредитацию прежнего политического руководства, в 1956 г. достигла апогея. В закрытом докладе XX съезду КПСС Н.С. Хрущев, разоблачив преступную деятельность Сталина, впервые официально подверг ее резкой критике. Взвалив на Сталина ответственность за массовые репрессии и политические промахи в руководстве страной, Центральный комитет, как ему казалось, сбросил с себя груз прежних ошибок с тем, чтобы двинуться вперед к победе коммунизма. Не понимая в полной мере специфики массового сознания, партия, развенчав культ личности Сталина и предопределив тем самым будущее крушение, разрушила то основание, на котором держалось единение народа и власти.

Подрыв веры лишил дальнейшее существование партии и всех, некогда веривших в нее, смысла. Разрушив миф о «великом Сталине», партия поставила под сомнение собственную деятельность. Крушение прежних привычных ориентиров, постепенно нараставшее раздвоение человеческих душ неизбежно должны были привести к ра-

сколу общества и ввергнуть страну в общий кризис.

Народ, в первую очередь интеллигенция, как наиболее мыслящая его часть, испытали настоящий шок, когда услышали доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Все, во что верили, потеряло смысл. Сталин – символ социализма, служивший образцом для каждого честного человека, оказался тираном. Люди почувствовали себя обманутыми.

Слухи о секретном докладе мгновенно распространились в обществе. Не слышавшие доклада студенты младших курсов требовали прочесть доклад и им. Ореол таинственности, сложившийся вокруг этой темы, нагнетал в обществе атмосферу напряженности. Неознакомленные с докладом люди уже заранее ожидали услышать нечто потрясающее. Несмотря на то, что доклад не был опубликован и считался закрытым, с ним ознакомились практически все. Сначала его читали по партийным и комсомольским организациям, затем и среди беспартийных.

Доклад слушали с безмолвным ужасом. Многие с гневом и возмущением восприняли сообщение Хрущева, однозначно расценив деятельность Сталина как враждебную. В Новосибирске на его бюсте появилась надпись «Палач». В областной партшколе его бюст вообще был разбит. На жирокombинате сорвали портрет Сталина и выкололи глаза. В этом проявлялась высшая степень ненависти. Выкалывание глаз на портретах – характерный для того времени ритуал разоблачения «врагов народа». Та же процедура в свое время была проделана с портретами Берии.

Е.Ю. Зубкова, чьи работы по изучаемому периоду [24, 25] до сих пор остаются одними из самых лучших, пишет, что вначале реакция на доклад отличалась пассивностью восприятия и походила на традиционную смену декораций [26. С. 582]. В силу высокой эмоциональной насыщенности первые впечатления, связанные с вопросом о культе личности, действительно недостаточно четко рефлексировались сознанием. Для осмысления произошедшего требовалось время. Р. Медведев вспоминал: «Слушатели обменивались не столько мнениями, сколько междометиями» [27. С. 42]. Однако это не укладывается в версию Е.Ю. Зубковой о пассивности восприятия доклада.

Постепенно, по мере подчинения переживаний разуму, внутреннее психическое состояние людей становилось более осознанным и могло уже быть как-то формализовано, интеллектуально оформлено и представлено в виде каких-то личных соображений и возникающих вопросов. Об этом же говорит тот факт, что большинство сообщений партийных органов о реакции на постановление о культе личности относятся ко второй половине 1956 – началу 1957 гг.

К сожалению, автору не удалось найти сколь-нибудь надежных свидетельств о господствовавшей тенденции восприятия доклада. Согласно со-

пси­хо­ло­гическим опросам, проведенным в 1990-х гг. 47 % респондентов отрицательно восприняли разоблачение культа личности; 29,5 % одобрили, остальные никак не определили своего отношения [6. С. 204–205]. Однако эти данные не могут быть признаны как абсолютно достоверные. Их можно использовать лишь в качестве примера неоднозначной реакции общества на сообщение Н.С. Хрущева.

Многие восприняли доклад позитивно, хотя имелись свои особенности. В деревне положительная оценка критики культа личности была связана не столько с осознанием важности политического момента, сколько с нелюбовью к самому Сталину, при котором крестьяне платили большие налоги. Томский обком информировал ЦК КПСС: «Колхозники высказываются в том смысле, что если бы Сталин был жив, то колхозники не имели бы хлеба, ходили бы в лаптях» [28].

Информация парткомов о реакции населения на критику культа личности содержала факты, свидетельствовавшие о растерянности в обществе, в первую очередь в партаппарате. Его работникам необходимо было четко знать, где находится предел критики Сталина. Годами формировавшаяся привычка поступать согласно однозначно толкуемым указаниям, непоследовательность ЦК в отношении к Сталину дезорганизовали деятельность партийных организаций по идеологическим вопросам. Об этом свидетельствует тот факт, что так называемые «демагогические выступления», звучавшие на собраниях, критика власти далеко не всегда получали отпор со стороны тех, кто по долгу службы должен был это делать. Осуждение «демагогов» было осуществлено несколько позднее.

В выступлениях партийных функционеров преобладали эмоции, что наглядно подтверждает недостаточную осмысленность сложившегося положения. Психологическую картину состояния партаппарата после проведения студенческих диспутов, на которых прозвучали резкие суждения в отношении ВЛКСМ, дает в частности стенограмма совещания секретарей парткомов вузов г. Томска от 20 декабря 1956 г. [29]. Выступления секретарей обкома партии Н.В. Лукьяненко, С.А. Анциферовой, секретаря горкома М.Б. Духнина представляли собой лишь эмоциональный всплеск. Осыпая угрозами всех посмеявшихся задуматься над положением дел в стране, руководители области не шли дальше общего негодования, даже не пытались вникнуть в суть критических выступлений, что свидетельствовало о нежелании понять и самостоятельно осмыслить сложившуюся ситуацию.

О растерянности могут свидетельствовать и возникавшие многочисленные вопросы. Некоторые из них были прямо ориентированы на получение точных указаний: «Как отвечать на задаваемые вопросы о Сталине?», «Как быть с теоретическим наследием Сталина?», «Правильно ли были расстреляны Зиновьев, Каменев, Бухарин?» [30, 31].

Люди пытались самостоятельно разобраться в тех проблемах, которые оказались незатронутыми в докладе. Даже не желая допускать антипартийные мысли, они вынуждены были как-то угадывать реальное положение дел. Если многих коммунистов расстреляли невинно, то естественно возник вопрос, кто же считается теперь невинным. При полном отсутствии объективной информации приходилось лишь гадать на этот счет.

Возникавшие многочисленные вопросы: «Поднимался ли вопрос о культе личности при жизни Сталина или он стал ясен после его смерти?»; «Почему доклад Хрущева не обсуждался на съезде?»; «Нет ли ошибки в проведении коллективизации в 1930 г.?»; «Нет ли еще каких-либо неопубликованных документов?»; «Если Сталин допускал такие грубые извращения, то почему ему дали место в мавзолее рядом с Лениным?»; «Биография Сталина одобрена Политбюро или нет?» [32–38] – свидетельствовали о снижении уровня согласия в обществе, которое тем выше, чем меньше вызывает вопросов. В связи с недопониманием многих моментов большинство ранее неосознаваемых норм стали активно рефлексироваться сознанием, что привело к обнаружению ряда негативных тенденций, которые прежде оставались незамеченными. Это повлияло на рост недовольства политикой нового правительства, чему в немалой степени также способствовало отсутствие былой ясности в ожидаемых шагах партийного руководства. В ситуациях, когда люди не совсем уверены, чего следует ожидать друг от друга, недоброжелательность и насилие возрастают [39. С. 41].

Критика Хрущевым культа личности привела к парадоксальным результатам. Стремясь освободиться от ошибок прошлого с тем, чтобы поднять еще выше свой авторитет, партийное руководство настроило значительную часть общества против себя. В условиях господства двухмерного измерения действительности и привычки строить какие-либо выводы на базе однозначно толкуемых оценок, отличавшихся категоричностью суждений, массовое сознание не могло подойти к вопросу культа личности с чувством глубокой ответственности и рационального осмысления. В массе превалировало образно-эмоциональное восприятие информации, оцениваемое в понятиях морально-этического свойства.

Первое, что бросалось в глаза после знакомства с докладом, – разночтение партийных заявлений, оценка которых в любых обстоятельствах трактовалась однозначно как правильная. Услышав из одних и тех же уст прямо противоположные высказывания, люди пришли в недоумение. «На июльском пленуме ЦК КПСС говорилось, что мы не дадим опорочить имя Великого Сталина. Как расценивать последнее?» – спрашивали на собрании Заельцовского райпартактива Новосибирска [40]. «Чем объяснить, что раньше не только не осуждали культ личности, а эти же товарищи при каждом удобном случае возвеличивали Стали-

на?» – поднимался вопрос в Томске [41]. Выходило так, что в каком-то одном случае партии не следовало верить. Людям было обидно, прежде всего, за то, что руководство, как оказалось, прекрасно знало и понимало положение дел, но при этом нагло обманывало народ, лицемерно восхваляя вождя и требуя того же от других.

Чувство горечи и формирование негативного отношения к новым руководителям страны содержали в качестве основы отнюдь не расхождение с идеологической линией партии. Многие поверили Хрущеву и приняли критику Сталина. На размежевание партии и масс влияло не столько несоответствие идеалов, которые как раз оставались общими, сколько нравственное разрушение прежней коллективной связи, вызванное предательством партийных вождей. Как отмечал русский психолог и публицист начала XX в. Л.Н. Войтоловский: «Гнетет не отсутствие идеалов и учреждений, гнетет отсутствие чуткости и отзывчивости, отсутствие объединяющих желаний и настроений» [42. С. 82–83].

Подрыв веры коснулся всей партии. Как отмечалось в соответствующей информации Новосибирского горкома КПСС: «Многие беспартийные задаются вопросом: "Кому же теперь верить?" и прямо обвиняют коммунистов, заявляя: "Вы виноваты во всем том позорном, что случилось в нашей стране"» [43].

Иллюзии в отношении кристальной честности партийных руководителей постепенно рассеивались. Больше всего людей возмущали не столько сталинские преступления, сколько вопрос ответственности за них Хрущева и других членов правительства, которые в отличие от Сталина продолжали оставаться у власти. Поэтому звучавшие на собраниях заявления часто носили избобличающий характер: «Если наша партия видела ошибки в работе тов. Сталина, почему же ЦК оставался в стороне? Как ЦК мог допустить игнорирование его роли со стороны тов. Сталина? Почему ЦК КПСС вовремя не указал на ошибки тов. Сталина?» [44].

Получаемые ответы: «было небезопасно», «сразу не разглядели», не могли удовлетворить массы и только усиливали негативное отношение народа к властям, разоблачившим собственную трусость и беспомощность. Возмущение было вызвано, прежде всего, несоответствием руководителей, называвших себя коммунистами, этому, как тогда понимали, высокому званию, которое прочно ассоциировалось с понятиями: честь, совесть, мужество. Поэтому люди отвернулись от Хрущева и других руководителей не столько за их вину в прошлом, сколько из-за постигнутого многих чувства глубокого разочарования в коммунистической честности и принципиальности, о которых так много говорили те, кто сам оказался не на высоте положения. Реплики, бросаемые трудящимися и тщательно фиксируемые партийными органами, весьма недвусмысленно говорят об этом: «Почему члены ЦК поленились («честно, смело, открыто», – прим. авто-

ра) не поставили вопрос о культе личности при жизни тов. Сталина?», «Почему они спасовали перед трудностями?», «Выходит 30 лет государством и партией руководили два человека, а остальные боялись за свою жизнь?» [45–47].

Примат моральных суждений над рациональными, характерный для массового сознания 1950-х гг., при склонности к однозначным оценкам обусловил неприятие многими гражданами сообщений о преступной деятельности Сталина. В формировании настроений, связанных с критикой культа личности, немаловажную роль играло сравнение Сталина с Хрущевым, которое по личностным показателям часто было не в пользу последнего. Для многих, в том числе и для тех, кто адекватно воспринял постановление ЦК, Сталин остался в памяти легендарной личностью. Отвечая на анкету с предложением автора высказаться в отношении Сталина, сын репрессированных родителей С.И. Добровольский из г. Бердска Новосибирской области так выразил свое мнение: «Любить Сталина я не мог... Если бы этого [репрессий] не было, я его, конечно, полюбил: за индустриализацию страны, за победу в войне, за ежегодное улучшение жизни, снижение цен, за целенаправленную идеологию, за то, что тащил Россию к прогрессу, опираясь только на российский народ и его богатства, за могучую волю, за то, что не гнул спину перед Западом, не давал уничтожать свой народ и страну капиталистам, за решительность и огромный ум» [48].

На фоне такого образа Н.С. Хрущев казался менее героическим и выглядел несколько простоватым. Получение им прозвища «кукурузник», а также бытовавшее в народе упоминание Первого секретаря партии по имени «Никита» или «Никитка» свидетельствовали о преобладании иронического отношения к личности руководителя. Отзываясь о беседе Хрущева с американскими корреспондентами, профессор Томского политехнического института Д.А. Стрельников однажды заявил: «Уж очень несолидно отвечает, как на зачете студент, плохо выучивший предмет – запинаясь, смотрит по сторонам, отвечает не по существу вопроса» [49].

В условиях персонификации власти и господства харизматического сознания личность руководителя имела особое значение. Ей предъявлялись весьма высокие требования. Несмотря на то, что традиционное право властвования переносилось с одного руководителя на другого по одному лишь должностному статусу, харизматическая ориентация не могла принять абстрактного лидера. Авторитарность сознания, с одной стороны, продлевала действие уважительного отношения к власти, с другой – вступала в противоречие с внешним личностным ее выражением. Человек продолжал убеждать себя, что партийное руководство в силу одной лишь партийности олицетворяет высшую добродетель. Вместе с тем новые лидеры, в первую очередь Хрущев, не соответствовали предъявляе-

мым жестким требованиям, сохранившимся со сталинских времен. Новое руководство не обладало теми моральными и личностными качествами, которые когда-то приписывались Сталину. Соединение двух противоположных ориентаций способствовало раздвоению сознания и подрывало почти-тельное отношение к власти.

Категория граждан, строивших свою жизнь на основах идейно-нравственного мировоззрения, считавшая высшим долгом служение Родине и идее, искренне верившая партии, в условиях фрустрации сознания, когда отчетливо обнаружилось несоответствие прежних и нынешних принципов, столкнулась с таким психологическим состоянием, которое называют когнитивным диссонансом. В такой ситуации происходит либо переосмысление действительности, приведение собственных установок сознания в соответствие с новыми данными, либо восприятие происходящего как ненормального, как предательство героического прошлого и дискредитация партии [50. С. 32].

Многие пошли именно по этому пути. Регрессия, как реакция на фрустрацию, предполагала возврат к прежним шаблонам, которые раньше приносили удовлетворение. Будучи ориентированы на сталинский авторитет, люди не могли и не хотели допускать даже мысли, что Сталин враг. Это разрушило бы устойчивую структуру сознания, целиком подчиненного внешней обусловленности и не имевшего возможности самостоятельного определения на базе взвешенного и ответственного подхода. Вот свидетельство современника: «Раздражало то, что суд устраиваем над умершим человеком и так хотелось, чтобы на всю жизнь Иосиф Виссарионович Сталин остался в памяти такой справедливым, честным, каким нам его рисовали в течение более трех десятилетий... И теперь, когда узнали о его крупнейших недостатках, трудно, очень трудно погасить в сердце эту великую любовь, которая так сильно укоренилась во всем организме» [24. С. 134]. Менее болезненно было бы обвинить во всех грехах тех, кто покусился на уют и к тому же пользовался меньшим доверием, серьезно подорванным еще в 1953–1955 гг. Поэтому критика культа личности была воспринята многими как борьба за власть, ради которой Хрущеву необходимо было опорочить Сталина, чтобы самому занять его авторитетное место. Отвечая на анкету, распространенную автором, В.А. Гавриш вспоминала: «В культ Сталина мы не верили. Сталина было жаль и обидно за него, что все это происходит после его смерти» [51]. В Дзержинском районе г. Новосибирска на телеграфный столб была наклеена листовка следующего содержания: «Товарищи, не верьте этой пропаганде, что Сталин враг народа. Это чушь, которую распустили Булганин и Хрущев. Они хотят вас обмануть, ввести в заблуждение. Не верьте, организуйте митинги и обсуждайте этот вопрос» [52].

Критика культа личности, неоднозначно воспринятая в обществе, привела к его расколу. Во

многом этому способствовала привитая годами склонность к категоричным суждениям. Ограниченность мышления не была присуща абсолютно всем. Незначительная часть граждан подошла более осмысленно к этому вопросу. Понимая, что критика Сталина была необходима для дальнейшего преодоления негативных тенденций, многие коммунисты, в первую очередь старые большевики, отдавая себе отчет, что развернувшаяся в обществе дискредитация Сталина может лишь навредить делу коммунизма, выступили с мнением, что не следовало бы доводить доклад Хрущева до широкого круга коммунистов и тем более комсомольцев и беспартийных, ибо, как они считали, этим подвергалась сомнению правильность политики ЦК КПСС [53].

О реакции населения в Сибири на критику Сталина много написано у И.С. Кузнецова [54. С. 115–134]. Однако сибирский историк подходит к изучению общественных настроений 1950-х гг. несколько ограниченно, только как к сигнальной реакции населения на происходившие изменения, не видя в них симптомы глубокого кризиса и разлома общества, связанных с крушением веры, как фундаментального признака утверждения человеческого духа.

В условиях господства элементов мифологического сознания, которое держалось исключительно на принимаемых на веру представлениях, пусть даже и ложных, при отсутствии рационально осмысленного взвешенного подхода к происходившим процессам, разрушение мифа ликвидировало нравственную основу человеческого мировоззрения и приводило лишь к внутреннему хаосу. Поскольку идеи социализма были в значительной степени персонифицированы и связаны с именем Сталина, подрыв веры в вождя неизбежно вел к утрате смысла жизни в ее прежнем понимании, как служении обществу и высшим идеалам. Упомянутый выше С.И. Добровольский при ответе на вопросы анкеты писал: «Часто думал, а не принесет все это вред? Следует ли ворошить все прожитое и пережитое? Такие мысли возникали не только у меня. С одной стороны, разоблачение было необходимо, но с другой, понимал, что многое пойдет не на пользу государству, потому что такой великой державе с мощной идеологией коммунизма был нужен вождь строгий, требовательный, принципиальный, но ко всем очень справедливый. А с разоблачением Сталина была подорвана вера в справедливого вождя» [48].

XX съезд КПСС способствовал пробуждению сознания. Люди связывали с ним начало новой жизни, когда появилась возможность без страха говорить правду. Однако подобная реакция была возможна только у тех, кто действительно в сталинские годы, пусть даже подсознательно, испытывал чувство давления системы, на кого еще до XX съезда штампованные фразы о победах действовали угнетающе, кто хотел, но не мог освободиться от тяжелого бремени сталинского диктата. Только в этом случае могло возникнуть ощущение

свободы и раскрепощения. Те, кто не чувствовал и не сознавал насилия, кто был доволен и искренне счастлив, кто был правдив перед собой и людьми, не мог ощутить состояние освобождения, так как ему неоткуда было бы возникнуть.

Психоаналитические объяснения прозрения и связанного с ним подъема эмоций, отстаиваемые в отечественной литературе, могут быть отчасти применимы лишь к тем, кто подсознательно испытывал страх перед вождем, кто в глубине души возненавидел систему и все связанное с ней, но боялся себе и другим в этом признаться. Суть такого прозрения заключается в осознании содержания бессознательного и мотивов вытеснения в эту сферу. Однако подобные описания грешат некоторой неточностью в связи с изначально ложной посылкой. Авторы таких психологических анализов советской истории в самом начале ставят нелепый вопрос: «Почему люди любили Сталина и так радовались, когда объект их любви умер?» [55. С. 164].

Демонстрируемое противоречие, заключающееся в выше утверждаемом тезисе, могло быть объяснено только невротическим состоянием. Под это ложное убеждение, что люди радовались смерти вождя, подводилось и психоаналитическое исследование, ведущее к ошибочным выводам. Выше уже говорилось, что люди горевали, узнав о смерти Сталина. Отсюда можно предположить, что огромная часть населения не испытывала чувства долгожданного освобождения, когда узнала о сталинских злодеяниях. Гораздо естественнее было либо попросту не поверить информации, либо серьезно задуматься, что соответствует вышеизложенным выводам психологов о выходе из когнитивного диссонанса. Поэтому, как писал Р. Медведев, обычной после разоблачения преступлений «окрыленности» не было. «Доклад породил желание самостоятельно разобраться в истории нашей страны» [27. С. 42]. Только после этого, когда была достигнута ясность понимания, когда рассудок ввел новые понятия в доступные категориальные формы, многие пережили ощущение подъема, которое всегда бывает в минуты творческого озарения. Именно поэтому постоянно хотелось говорить и спорить.

Несмотря на то, что критика культа личности И.В. Сталина причинила обществу глубокую психологическую травму, наиболее образованная его часть, стремясь преодолеть состояние эмоционального страдания, пошла по пути создания новых форм социальной жизни, которые американский историк и культуролог Уильям Редди назвал «эмоциональными приютами». По мнению ученого, таким «приютам» присущи свои ценности, модели поведения, свои пароли и отзывы, специфические знаки эмоциональной принадлежности своему кругу [56]. Отсюда новые формы самостоятельности молодежи, альтернативные комсомолу, первые студенческие театры эстрадных миниатюр (СТЭМы), «стиляжничество», которые стали своеобразной психоэмоциональной нишей для людей,

переживших крушение идеалов. На кафедрах в вузах начинаются оживленные дискуссии. Люди собираются вместе, объединяются в неформальные группы и спорят.

Развернувшиеся повсеместно споры, обсуждения носили не только непосредственный дискуссионный характер. Это были еще и размышления вслух, стремление проверить, опробовать свою версию исторического прошлого страны, сравнить ее с другими оценками. Положительным было то, что размышления вышли на публичный уровень. Сам факт открытости выступлений говорит, что люди были уверены в необратимости начавшихся процессов, что оратора не арестуют, не снимут с должности. Откровенные высказывания требовали самостоятельности мышления и определенной смелости, так как критиковать приходилось нередко то, что было обычно закрыто для обсуждения: бюрократизм системы, ответственность партийных органов за репрессии и т. п. Переноса поднимаемые проблемы на местный уровень, люди призывали к активной работе, к борьбе с восхвалением отдельных личностей, с грубостью, бездушным бюрократическим отношением к живым людям. Раздавались призывы смелее вскрывать недостатки в работе, быть непримиримыми к ним, поленински осуществлять коллективность партийного руководства.

Вместе с тем значительная часть общества пошла по пути размежевания частной и публичной жизни. Крушение веры переориентировала значительную часть людей на себя, свою семью, друзей, на повседневные отношения. Произойти приватизации жизненного пространства, возникла некая отгороженность от власти, породившая двоемыслие и чувство вынужденного сосуществования с государством. Население стало всеми средствами защищать свою частную жизнь, в которой семья выступала главной силой, противостоящей государству [57. Р. 164]. Замкнувшись на себе, утратив живую связь с обществом, люди приняли новые принципы, обеспечивавшие собственную независимость и индивидуальное благополучие, что нашло выражение в усилении прагматической и потребительской ориентации. Концентрация сознания на индивидуалистических узкокорыстных интересах исключали прежнее братское единение. Укрепление противоположных настроений и желаний разламывало общество, подготавливая почву для будущей конфронтации и исключая возможность полноценной общественной жизни.

Нарушение привычного порядка вещей породили хаос и нестабильность. Ломка локальных миров, традиционных структур вела к атомизации общества, ввергала его в состояние перманентного кризиса, раскалывая и обезличивая его. Лишаясь привычных жизненных ориентиров, человек терялся в новом неизвестном ему мире. Отказавшись от культуры эмоциональных личных связей, характерных для традиционного общества, человек ввергал себя в состояние «экзистенциального ва-

куума». Л.Н. Войтоловский в свое время справедливо писал: «В душе человека, неожиданно сброшенного с высот коллективного энтузиазма, образуется пустота» [42. С. 97]. Неизбежная в этой ситуации утрата смысла жизни лишала человеческую природу устойчивости. Поэтому снятие всевозможных ограничений при отказе от принципов традиционного общества, когда люди еще не готовы к ниспровержению существующих идеалов, породило не столько свободу, сколько разнузданность и своеволие. Увеличилось общее количество преступлений, они стали более жестокими и дерзкими, снизился средний возраст преступников. На совещании работников прокуратуры Сибири, проходившем в марте 1965 г., единодушно отмечалось, что за последние 5–10 лет наблюдается систематический рост преступности и самоубийств [58]. В Новосибирской области более чем в 2 раза увеличилось число краж, растраты по местным

торгующим организациям в 1957 г. возросли тоже почти в 2 раза [59, 60]. С 1955 по 1962 гг. более чем в 6 раз увеличилось число психических больных [61]. Т.Ю. Новинская называет это стрессовым состоянием общества, которое проявлялось в росте числа самоубийств и увлечении пьянством [62. С. 542].

Таким образом, в 1950-е гг. общество пережило идейно-психологический кризис массового сознания, вызванный смертью Сталина и критикой его на XX съезде КПСС. Саморазоблачение партией своей деятельности подорвало веру в высшую справедливость, разрушив многие надежды и чаяния советских людей. Отсутствие в обществе другой утверждающей силы привело к разочарованию в основных нравственных принципах, что в свою очередь оказало решающее влияние на размежевание социальных групп и создание предпосылок для появления «разорванного» общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Kuromiya H. Political Youth Opposition in Late Stalinism: Evidence and Conjecture // *Europe-Asia Studies*. – 2003. – V. 55. – № 4. – P. 631–638.
3. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М.: РОССПЭН, 2011. – 373 с.
4. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / под ред. Ю.А. Левады. – М.: Мировой океан, 1993. – 300 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-2306. Оп. 73. Д. 1919. Л. 14.
6. Аксютин Ю.В. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П-4. Оп. 17. Д. 616. Л. 22–23.
8. Альшутлер М., Дрыжакова Е. Путь отречения. Русская литература 1953–1968. – Нью-Йорк: Эрмитаж, 1985. – 350 с.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1941. Л. 9.
10. ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 2650. Л. 14.
11. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1828. Л. 38–39.
12. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923. Л. 252–256.
13. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923. Л. 208.
14. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923. Л. 217, 227, 229.
15. ГАО. Ф.П-4. Оп. 17. Д. 87. Л. 6; Д. 67. Л. 52.
16. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1942. Л. 6.
17. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924. Л. 161.
18. Дубин Б.Н., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // *Вопросы психологии*. – 1993. – № 3. – С. 77–81.
19. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924. Л. 340.
20. ГАО. Ф.П-4. Оп. 17. Д. 87. Л. 3.
21. ГАО. Ф.П-4. Оп. 17. Д. 87. Л. 51.
22. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2249. Л. 142.
23. Попов В.П. Крестьянский взгляд на колхозную реальность // *Социологические исследования*. – 1992. – № 7. – С. 107–110.
24. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. – М.: Россия молодая, 1993. – 200 с.
25. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.
26. Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ // *Россия в XX веке: Историки мира спорят*. – М.: Наука, 1994. – С. 578–584.
27. Медведев Р. Год 56-й: Время и эхо двадцатого съезда // *Новое время*. – 1988. – № 32. – С. 40–42.
28. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 90.
29. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2402.
30. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 72.
31. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 61–71.
32. ГАО. Ф.П-4. Оп. 26. Д. 37. Л. 3; 50–51; 86–145.
33. ГАО. Ф.П-4. Оп. 34. Д. 489. Л. 11–17.
34. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795.
35. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2396. Л. 16.
36. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 71–72; 84.
37. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 60–86.
38. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526. Л. 131.
39. Шибутани Т. Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969. – 447 с.
40. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 2.
41. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 61.
42. Войтоловский Л.Н. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 2. – М.; Л.: Госуд. изд-во, 1925. – 118 с.
43. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 46.
44. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 84.
45. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 41.
46. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 88.
47. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 71.
48. Добровольский С.И. Анкета. 1994 г. Личный архив автора.
49. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. Л. 259.
50. Рощин С.К. Общественно-политические процессы перестройки с позиций социальной психологии // *Психологический журнал*. – 1990. – Т. 11. – № 3. – С. 26–38.
51. Гавриш В.А. Анкета. 1994 г. Личный архив автора.
52. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 48.
53. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 46.
54. Кузнецов И.С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. – Новосибирск, 1995: [б. и.]. – 156 с.
55. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // *Вопросы философии*. – 1991. – № 3. – С. 164–175.
56. Reddy W.M. The navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. – N.Y.: Cambridge University Press, 2001. – XIV, 380 p.

57. Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 281 p.
58. ГАРФ. Ф.А-461. Оп. 11. Д. 1517.
59. ГАНО. Ф.П-22. Оп. 1. Д. 860. Л. 34.
60. ГАНО. Ф.Р-20. Оп. 1. Д. 553. Л. 10–19.
61. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.М-1. Оп. 32. Д. 1176. Л. 1.
62. Новинская Т.Ю. К вопросу о формировании общественного сознания в период хрущевской оттепели // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. – 2011. – № 23. – С. 541–544.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 94(571.1)»195»: [32.019.5+159.9:32]

POLITICAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA IN 1950s: BEGINNING OF IDEOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CRISIS (MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)

Maksim S. Petrenko,

Cand. Sc., Novosibirsk Law Institute (Branch) of Tomsk State University, 7, Sovetskaya street, Novosibirsk, 630007, Russia. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Relevance of the research: The origins of current crisis state in Russian society should be sought in watershed events of the 1950s, when the environment for the collapse of the Communist faith and loss of previous orientation consciousness occurred.

The main aim of the research is to study the ideological and psychological state of Russian society in the period of political transformation.

The methods used in the research: Interdisciplinary synthesis based on the study achievements of the modern history, sociology and social psychology; method of psychological analysis of individual statements in historical sources; empirical methods of questioning, interview with participants and witnesses of the events described.

The results: The author has developed the concept of ideological and psychological crisis of mass consciousness influenced by Stalin's death and condemnation of cult of his personality at the XX Congress of the CPSU.

There was stable communication between society and authority in Stalin era, based on faith in the party and the charismatic leader. Under the influence of the political events of the 1950s the majority of people experienced psychological shock that resulted in formation of new critical view of Soviet reality, loss of faith in higher rectitude, split of the society and refocus on consumer values.

Key words:

Communist ideology, Soviet person, mass consciousness, public mood, XX Congress of CPSU, I.V. Stalin.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokulturnaya dinamika Rossii)* [Russia: a critique of the historical experience. (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1997. 2nd ed., 804 p.
- Kuromiya H. Political Youth Opposition in Late Stalinism: Evidence and Conjecture. *Europe-Asia Studies*, 2003, vol. 55, no. 4, pp. 631–638.
- Fitzpatrick Sh. *Sryvayte maski! Identichnost i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 373 p.
- Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsialnogo portreta na rubezhe 90-h gg.* [Simple Soviet people: experience social portrait at the turn of the 90s]. Ed. by Yu.A. Levada. Moscow, Mirovoy okean Publ., 1993. 300 p.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F.A-2306. I. 73. F. 1919. L. 14.
- Aksyutin Yu.V. *Vlast i oppozitsiya. Rossiyskiy politicheskiy protsess XX stoletiya* [Power and Opposition. Russian political process of the XX century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 400 p.
- Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* [State Archive of the Novosibirsk region] (GANO). F.P-4. I. 17. F. 616. L. 22–23.
- Altshuller M., Dryzhakova E. *Put otricheniya. Russkaya literatura 1953–1968* [The path of renunciation. Russian literature 1953–1968]. New-York, Ermitazh Publ., 1985. 350 p.
- Tsentralnaya dokumentatsiya noveyshey istorii Tomskoy oblasti* [Documentation Center of the modern history of the Tomsk region] (TSDNITO). F. 607. I. 1. F. 1941. L. 9.
- GANO. F.P-22. I. 3. F. 2650. L. 14.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1828. L. 38–39.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1923. L. 252–256.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1923. L. 208.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1923. L. 217, 227, 229.
- GANO. F.P-4. I. 17. F. 87. L. 6; F. 67. L. 52.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1942. L. 6.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1924. L. 161.
- Dubin B.N., Tolstykh A.V. Slukhi kak sotsialno-psikhologicheskiy fenomen [Rumors as a socio-psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii*, 1993, no. 3, pp. 77–81.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1924. L. 340.
- GANO. F.P-4. I. 17. F. 87. L. 3.
- GANO. F.P-4. I. 17. F. 87. L. 51.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 2249. L. 142.
- Popov V.P. Krestyanskiy vzglyad na kolhoznyuyu realnost [Peasant look at collective farm reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no. 7, pp. 107–110.
- Zubkova E.Yu. *Obshchestvo i reformy. 1945–1964* [Society and reforms. 1945–1964]. Moscow, Rossiya molodaya Publ., 1993. 200 p.
- Zubkova E.Yu. *Poslevoennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnyy zhiznnyy byt. 1945–1953* [Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.

26. Zubkova E.Yu. Sotsialno-psikhologicheskaya atmosfera poslevoennykh let i ee vliyaniye na politiku reform [Socio-psychological atmosphere of the postwar years and its impact on policy reforms]. *Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat* [Russia in XX century: the chronologist of the world are disputing]. Moscow, Nauka Publ., 1994. pp. 578–584.
27. Medvedev R. God 56-y: Vremya i ekho dvadtsatogo sezda [1956: Echo and time of the twentieth congress]. *Novoe vremya*, 1988, no. 32, pp. 40–42.
28. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 90.
29. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2402.
30. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 72.
31. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2422. L. 61–71.
32. *GANO*. F.P-4. I. 26. F. 37. L. 3; 50–51; 86–145.
33. *GANO*. F.P-4. I. 34. F. 489. L. 11–17.
34. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795.
35. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2396. L. 16.
36. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 71–72; 84.
37. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2422. L. 60–86.
38. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2526. L. 1 31.
39. Shibutani T. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Progress Publ., 1969. 447 p.
40. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 2.
41. *TSDNITO*. F.607. I. 1. F. 2422. L. 61.
42. Voytlovskiy L.N. *Ocherki kollektivnoy psikhologii* [Sketches of collective psychology]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1925. P. 2, 118 p.
43. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 46.
44. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 84.
45. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 41.
46. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 88
47. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2422. L. 71.
48. Dobrovolskiy S.I. *Anketa [Questionary]. 1994. Lichnyy arkhiv avtora*.
49. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2538. L. 259.
50. Roshchin S.K. Obshchestvenno-politicheskie protsessy perestroiki s pozitsiy sotsialnoy psikhologii [Social and political restructuring processes from the standpoint of social psychology]. *Psikhologicheskyy zhurnal*, 1990, vol. 11, no. 3, pp. 26–38.
51. Gavrish V.A. *Anketa [Questionary]. 1994. Lichnyy arkhiv avtora*.
52. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 48.
53. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 46.
54. Kuznetsov I.S. *Sovetskiy totalitarizm: ocherk psikhistorii* [Soviet totalitarianism: Essay of psychohistory]. Novosibirsk, 1995. 156 p.
55. Gozman L.Ya., Etkind A.M. Metaforiy ili realnost? Psikhologicheskyy analiz sovetskoy istorii [Metaphor or reality? Psychological analysis of Soviet history]. *Voprosy filosofii*, 1991, no. 3, pp. 164–175.
56. Reddy W.M. *The navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. N.Y., Cambridge University Press, 2001. XIV, 380 p.
57. Shlapentokh V. *Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia*. N.Y., Oxford, Oxford University Press, 1989. 281 p.
58. *GARF*. F.A-461. I. 11. F. 1517.
59. *GANO*. F.P-22. I. 1. F. 860. L. 34.
60. *GANO*. F.R-20. I. 1. F. 553. L. 10–19.
61. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (*RGASPI*). F.M-1. I. 32. F. 1176. L. 1.
62. Novinskaya T.Yu. K voprosu o formirovaniy obshchestvennogo soznaniya v period khrushchevskoy ottepli [On the issue of public consciousness formation in Khrushchev's thaw]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 23, pp. 541–544.